

СЕВЕРНАЯ МОЗАИКА

Научная статья
УДК 392
doi: 10.17223/2312461X/48/3

Политика монотонности и пролетаризация сна: случай контрактных сезонных сборщиков дикорастущих ягод в Карелии

Степан Игоревич Петряков

*Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия,
spetryakov@eu.spb.ru*

Аннотация. Анализируются эффекты повторения сезонными рабочими-сборщиками дикоросов одних и тех же трудовых действий в течение нескольких месяцев ягодного сезона. С опорой на материалы полевых исследований среди контрактных сборщиков в Карелии, проводившихся автором в ягодные сезоны с 2021 по 2024 г., утверждается, что монотонность как особая форма труда лежит в основании современного сезонного коммерческого собирательства. С помощью каких технологий и дисциплин организуется и поддерживается подобная форма труда? Продемонстрировано, как превращение собирательства дикорастущих ягод в капиталистический сельскохозяйственный труд требует от рабочих, с одной стороны, специфического способа восприятия окружающей среды, с другой стороны – особой пространственной конфигурации труда, которая нарушает дихотомию жилья (общежития) и рабочего места (леса). Высказывается предположение, что эти процессы соответствуют размыванию границ между трудом и нетрудом, а также, что менее очевидно, между сном и бодрствованием.

Ключевые слова: антропология труда, коммерческое собирательство, сезонный труд, поздний капитализм, монотонность, политическая экономия сна, Карелия

Благодарности: за внимательное чтение этого текста, обсуждение и комментарии к нему я бы хотел поблагодарить своих коллег из Европейского университета.

Для цитирования: Петряков С.И. Политика монотонности и пролетаризация сна: случай контрактных сезонных сборщиков дикорастущих ягод в Карелии // Сибирские исторические исследования. 2025. № 2. С. 46–72. doi: 10.17223/2312461X/48/3

Original article

doi: 10.17223/2312461X/48/3

The Politics of Monotony and the Proletarianization of Sleep: The Case of Contract Seasonal Wild Berry Pickers in Karelia

Stepan I. Petryakov

*European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russian Federation,
spetryakov@eu.spb.ru*

Abstract. The article analyses the effects of seasonal berry picking workers repeating the same activities over several months? Based on field research among contract wild berry pickers in Karelia (fieldwork was conducted during the berry seasons from 2021 through 2024), the article argues that monotony as a special form of labor is at the base of contemporary seasonal commercial picking. What technologies and disciplines are used to organize and sustain this form of labor? The author demonstrates how the transformation of wild berry picking into capitalist agricultural labor requires, on the one hand, a specific way of perception of the environment among workers and, on the other hand, a specific spatial configuration of labor that breaks the dichotomy of dwelling (dormitory) and workplace (forest). It is suggested that these processes correspond to a blurring of the boundaries between labor and non-labor and, less obviously, between sleep and awakening.

Keywords: anthropology of labor, commercial picking, seasonal labor, late capitalism, monotony, political economy of sleep, Karelia

Acknowledgements: For careful reading of this text, discussion and comments on it, I would like to thank my colleagues from the European University.

For citation: Petryakov, S.I. (2025) The Politics of Monotony and the Proletarianization of Sleep: The Case of Contract Seasonal Wild Berry Pickers in Karelia. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 46–72 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/48/3

Контрактный сборщик

Каковы условия, при которых сотня сезонных рабочих из разных уголков России в течение нескольких месяцев ежедневно собирают дикорастущие ягоды в лесу вблизи российско-финской границы?¹ Их нанимает крупное предприятие-переработчик, поставляющее замороженные ягоды и ягодную продукцию на пищевые предприятия по всему миру. Сборщики проживают в рабочих общежитиях, которые принадлежат предприятию. Они организованы в специальные «экипажи» и перемещаются по узким лесовозным дорогам на грузопассажирском полноприводном транспорте, которым владеет компания. В течение дня работники собирают морошку, чернику, голубику и бруснику в нескольких зонах сплошных вырубок леса. Сборщики проходят пешком более 15 километров в день, худеют в среднем на 10 килограмм за сезон и зарабатывают

до нескольких сотен тысяч рублей за несколько месяцев. Контрактный сборщик – это «рабочее место», созданное в целях увеличения запасов пищевых ресурсов леса на складах перерабатывающего предприятия.

Как и множество других форм труда в современном капиталистическом сельском хозяйстве, труд сборщика дикорастущих ягод основан на повторении одинаковых действий в ходе относительно продолжительного количества времени. В течение нескольких месяцев жизнь рабочих сосредоточена в местах «дисциплинарной монотонности» (Фуко 1999: 206): изо дня в день сборщики ездят в тесных салонах арендуемых УАЗов-«буханок», собирают ягоды на вырубках леса, спят на металлических кроватях, стоят в очереди в общий душ и «тусуются» на общей кухне или в курилке общежития. Они носят одну и ту же одежду и едят одну и ту же еду. На их телах присутствуют следы повторяющихся действий: мозоли, синяки и ссадины отмечаются в одних и тех же местах у двух сотен рабочих, проживающих в лагере на окраине карельского моногорода. Нюанс в том, что сборщики встроены в крайне однообразные социально-экономические ритмы не только в пределах рабочего времени сбора ягод, но и в течение всего сезона. Этим они существенно отличаются от некоторых других групп капиталистических рабочих, для которых опыт выполнения одинаковых действий хоть и является ключевым, присущ лишь в пределах фабричных стен в течение рабочего дня (см., например: Salzinger 2003; Striffler 2005; Blanchette 2020). В этой связи среди сборщиков принято говорить о сезонных работах как о «дне сурка». Несколько месяцев сжимаются до опыта одного дня. Или же один день, наполненный десятками доведенных до автоматизма действий, превращается в несколько месяцев.

В классической работе «Труд и монополистический капитал» Гарри Браверман (Braverman 1974) анализировал монотонность и однообразие в капиталистическом промышленном труде как один из эффектов исторического процесса деградации ремесленного производства и деквалификации рабочих. Браверман выдвинул тезис, согласно которому в эпоху индустриального капитализма сложный процесс производства того или иного продукта сводится к серии простых операций, которые не требуют от рабочего экстраординарных способностей, в результате чего трудящиеся превращаются в взаимозаменяемую рабочую силу. Дробление трудового процесса на сборочных линиях сопровождается отупляющим монотонным трудом, из-за которого рабочий лишается статуса мастера – полноправного владельца знаний и навыков, обеспечивающий контроль над процессом изготовления продукта. Капитал же тем самым монополизирует наследие ремесленного мастерства, с помощью которого человек устанавливает связь между действиями в настоящем и знаниями прошлого, а значит, и между образованием и непосредственным процессом труда.

Подобная критика трудового процесса при капитализме сегодня не кажется убедительной. Укорененный в западноевропейской мысли образ мастера исключает историю большей части человечества (Blanchette 2019: 63) и опирается на фетиш креативности, рассматривающий индивидуальное творчество как наиболее аутентичное выражение человеческой идентичности (Sanchez 2020: 75). Более того, была указано, что пугающий Бравермана «низкоквалифицированный» труд на заводской линии требует не меньшего мастерства, сноровки и ловкости, чем работа ремесленника (Striffler 2005: 116; Пинчук 2022). Что больше привлекает в анализе Бравермана, так это не исчезающая в горниле конвейерного производства фигура ремесленного мастера, но роль повторения одних и тех же действий. Согласно Браверману, монотонным может быть производство товара на фабрике или сбор сырья в поле для его последующего использования. Монотонность сама по себе, однако, в этой схеме никогда не является целью. Скорее она выступает характеристикой трудовых практик, пусть и обязательным, но все-таки эффектом. Фигура контрактного сборщика позволяет модифицировать этот тезис и рассуждать не о монотонном труде в границах экономики заработной платы, но о самой монотонности как форме труда; труда, который не должен останавливаться никогда и поэтому воплощает в себе мрачные прогнозы Маркса о том, что присвоение рабочей силы в течение всех двадцати четырех часов в сутки является имманентным стремлением капиталистического способа производства (Маркс 1952: 262).

В этой статье представлен набор зарисовок, посвященных жизни контрактных сборщиков. Они сопровождаются анализом того, что можно назвать политикой монотонности в индустрии заготовки дикорастущих ягод. Отправной точкой моего интереса является то, что в компании, на которую я работал в качестве сборщика по контракту в 2021, 2023 и 2024 гг., растущие в лесах ягоды упорно называют «культурами»². Какие формы человеческого труда и восприятия необходимы для того, чтобы подобный способ мышления стал возможен? Мной показано, как агробизнес, ориентированный на заготовку и переработку дикорастущих ягод, превращает собирательство в один из видов сельскохозяйственного труда. Меня интересовало, какое место в этом процессе занимает связь трудовых практик, монотонности и уровня производительности труда в коммерческом собирательстве. В фокусе исследования – роль повторяющихся действий в процессе труда и их влияние на восприятие рабочими пространства и сна, которые, как будет продемонстрировано, обладают собственной политической экономией.

Вместе с тем в статье сделан акцент на материальных практиках. Я основываюсь на допущении, согласно которому для системы капиталистического наемного труда с ее специфическим типом подчинения во все не обязательно, чтобы «идеи» и «слова» были «перводвигателями» (Macherey 2015). В этой связи представленные рассуждения близки к

тому типу материалистического анализа власти и подчинения, который имеет место в работах Пьера Бурдьё (Bourdieu 1977) и Мишеля Фуко (Фуко 1999). Философ Пьер Машери по этому поводу подчеркивает, что «оба [ученых] сходятся в отрицании ссылки на идеологию, которая претендует на то, чтобы поместить между людьми и условиям, в которых они эксплуатируются, промежуточный слой, занимаемый идеальными представлениями. Процедура подчинения происходит на телесном уровне, который не требует посредничества каких-либо идей или слов» (Macherey 2015: 14). Таким образом, в центре внимания оказывается именно этот «уровень».

В «Дикоросии»

В марте 2016 г. в «Бизнес-журнале» вышла небольшая заметка под названием «Страна Дикоросия» (Колерова 2016). В ней была сформулирована основная проблема российского агробизнеса, ориентированного на пищевые ресурсы леса: «Велика и обильна дикоросами земля наша, вот только полноценной заготовки и переработки почему-то нет» (Там же: 26). Согласно представленным в материале оценкам, на десятки миллионов тонн «эксплуатационного запаса» лесных ягод и грибов приходится лишь несколько десятков тысяч тонн, отправленных на коммерческую переработку. Одна из основных причин низких показателей, по версии автора, заключается в снижении количества сельских жителей, готовых «зарабатывать с леса». Апатичность местного сельского населения в отношении коммерческого собирательства дополняется отсутствием в России налаженной системы заготовки ягод и грибов. Другими словами, дефицит регулярно выполняемых хозяйственных операций приводит к низким объемам заготовленного сырья. Вкупе с неурожайными годами и иностранными конкурентами, скромные показатели заготовки не позволяют отрасли получить государственные субсидии, заручиться одобрением кредиторов и стать полноценной индустрией.

Рассуждения в «Бизнес-журнале» едва ли можно назвать оригинальными. Большая часть подобной литературы содержит утверждения, что, несмотря на колоссальные объемы «эксплуатационных запасов» ягод и грибов, «эксплуатировать» их попросту некому. В конечном счете, это препятствует построению прибыльного бизнеса в данной отрасли. Что отличало «Страну Дикоросию» от десятков похожих статей и журналистских заметок, так это размещенные в ней изображения одноименного выдуманного государства (рис. 1). Из рисунка видно, как в пространстве «Дикоросии» люди в спецодежде собирают и вывозят ягоды и грибы с помощью грузовой техники. Собранное сырье оказывается на конвейерах, которые обслуживают такие же рабочие. В воображаемой

стране отсутствуют лес и животные. В ней нет также намеков на сезонность и урожайность. Вместо этого сельскохозяйственные технологии территориализируют пространство выдуманного государства. Рабочие, дикоросы, транспорт и фабричное оборудование образуют интегрированное целое.

Рис. 1. «Страна Дикоросия» (Колерова 2016)

Сложно сказать, искала ли компания «Лесная ягода»³ вдохновение в причудливой иконографии страны «Дикоросии». Однако визуальный материал из «Бизнес-журнала» хорошо иллюстрирует суть дела. Производственная цепочка «От леса до супермаркета» была внедрена предприятием «Лесная ягода» незадолго до того, как я начал проводить там полевое исследование как сезонный рабочий-сборщик летом 2021 г. Это была специфическая вариация метода интеграции производства, суть которого Роберт Томас когда-то описал как «охват отрасли от семян до супермаркетов» (Thomas 1985). «Лесная ягода» создала и запустила в действие производственный процесс, который включал в себя сбор, транспортировку, длительное хранение, переработку и дистрибуцию дикорастущих ягод и грибов. Система «От леса до супермаркета» включала в себя также принципиально новое для этой отрасли агробизнеса понимание процесса заготовки пищевых ресурсов леса. Оно было связано с превращением собирательства в капиталистический труд. Производственный процесс в «Лесной ягоде» предполагал организацию сбора дикоросов по модели сезонной сельскохозяйственной занятости, распространенной, например, на плантационных хозяйствах, где выращиваются

клубника (Holmes 2013), табак (Benson 2012), масличная пальма (Li, Semedi 2021) и другие товарные культуры.

Работники, приезжающие в Карелию из разных регионов России, заключают с компанией «неформальный контракт» на сбор и сдачу ягод – компания предоставляет рабочим в аренду инфраструктуру доступа к лесу при условии, что сборщики будут сдавать ягоды исключительно предприятию, а не мелким скупщикам. Так, с конца июля по начало октября сборщики проживают в рабочем лагере, который состоит из нескольких общежитий, автостоянки и пункта приема дикоросов. Компания сдает в аренду сборщикам УАЗики-«буханки», на которых они ездят в лес, и койко-места в общежитии, где рабочие живут в течение нескольких месяцев. Оплата труда носит сдельный характер. Следовательно, каждый сборщик сам ответствен за собственную производительность и сам несет все риски, будь то плохой урожай, потерянные из-за болезни или травмы дни или попросту отсутствие навыков сбора ягод в лесу⁴. В разгар сезона каждое утро несколько сотен человек выезжают из лагеря в лес на сбор. Количество таких лагерей на территории Карелии выросло за последние несколько лет с одного до десяти, а пункты приема дикоросов «Лесной ягоды» исчисляются сотнями. Иными словами, речь идет о масштабируемой технологии, вопреки мнению антрополога Анны Цзин о том, что коммерческое собирательство пищевых ресурсов леса является своего рода идеальным типом «немасштабируемых» экономических проектов (Tsing 2012).

Зачем компании понадобились сезонные рабочие, половина из которых, как правило, ни разу не бывали в лесу? Ответ на этот вопрос не так очевиден, учитывая, что заготовка дикоросов в России и в целом в мире обычно осуществляется силами индивидуальных сборщиков и рассеянной сети скупщиков, и мобилизация сезонного труда для этой сферы не характерна. Тем не менее один из менеджеров «Лесной ягоды» по имени Олег⁵ объяснил мне, что местных коммерческих собирателей с каждым годом становится все меньше. Мы стояли с Олегом возле пункта приема ягод, расположенного на территории лагеря. Он рассказал, что в близлежащем городе крупное промышленное предприятие и разросшаяся за последние несколько лет сфера услуг обеспечили жителей стабильной работой, поэтому необходимость в сборе ягод за деньги давно отпала. По его словам, даже те немногочисленные местные жители, собирающие ягоды на коммерческих началах, не могут ездить в лес каждый день в течение всего сезона. «Лесной ягоде» же, напротив, необходимо постоянное пополнение запасов на складах. Олег сообщил, что компания еще до начала сезона заключает контракты на экспорт дикорастущих ягод и они должны быть уверены в том, что обязательства будут выполнены. «Лесная ягода», по словам менеджера, старается снизить влияние уро-

жайности дикоросов на процесс производства, формируя «запасы глубокой заморозки». Решающий вклад в их создание должны внести сезонные сборщики. Их несколько сотен, и они работают почти каждый день в течение всего сезона.

Наш разговор с Олегом происходил на фоне ритмичной циркуляции погрузочного транспорта, людей и разных видов тары. Приехавшие из леса работники доставали из салона «буханок» ведра с брусникой, брали для себя несколько пустых пластиковых ящиков и ссыпали в них собранное. Далее работники выстраивались в небольшую очередь для того, чтобы в течение нескольких минут взвесить ящики на специальных весах и перенести тару на деревянные паллеты. Вслед за этим подъезжала техника, захватывала паллеты с ящиками и увозила их на склад. Олег контролировал процесс и иногда отходил в свой небольшой офис, чтобы посмотреть в компьютере, как обновляются данные о количестве принятого сырья. Однако что в этом контексте представляет из себя непосредственный опыт монотонности? Как методичное повторение одних и тех же действий в течение сезона влияет на восприятие труда и пространства? Что может воспрепятствовать превращению собирательства дикорастущих ягод в трудовой процесс? Обратимся к конкретным историям сборщиков.

Страх и мастерство в лесу

Тридцатисемилетний Миша приехал в Карелию на заработки из Краснодарского края, где обычно работал на стройках. По его словам, в «настоящем» лесу он не был ни разу, подразумевая под «настоящим» лесом все, что не было похоже на знакомые ему лесопосадки между полями с подсолнухами и кукурузой. Сборщик каждый день жаловался на то, что не может спокойно собирать ягоды. Все время ему казалось, что дикое животное, сидящее где-то в кустах или скрывающееся за деревьями, наблюдает за ним, может напасть и убить. В первые несколько недель работ таким животным для него был бурый медведь. Затем кто-то из других сборщиков рассказал Мише, что в лесу также живут россомахи и волки. Страхи множились, и работник все чаще вспоминал сцены из зарубежных фильмов ужасов, где дикие звери отрывают части тела отдыхающим в лесу студентам американского колледжа. В итоге малейшее движение деревьев и шелест листьев Миша расценивал как угрозу его жизни. Со временем он также начал вглядываться в лесовозные дороги и вырубку в поисках свежих звериных следов, экскрементов, якобы сломанных животными веток или разодранных пней и бревен.

Из-за постоянного чувства страха Миша часто прерывал процесс сбора ягод. Он делал это для того, чтобы как можно тщательнее осмотреться вокруг и убедиться, что животного поблизости нет. Работник в

течение нескольких минут мог «вслушивался» в лес и вглядываться в чащу. Нередко такие паузы сопровождались желанием сделать перерыв в работе и выкурить очередную сигарету⁶. Опасное животное, которое было явлено восприятию Мише лишь посредством бесчисленных метонимий вроде звуков и движений деревьев, разрасталось до масштабов всего леса. Оно требовало трат времени и сигарет и превращало пространство вырубki в пространство страха, который был локализован в каждом шорохе, а потому поглощал большую часть внимания сборщика. Из-за страха Миша не мог выработать подходящий ритм труда. Не мог он и отходить далеко от автомобиля, чтобы искать урожайные «поляны» на территории всей вырубki. В какой-то момент работа осложнилась появившимися болями в области поясницы. Для того чтобы ездить в лес и пытаться собрать хотя бы ведро черники за день, заработав тем самым около 1000 рублей, Мише приходилось ставить обезболивающие уколы, на которые он тратил последние деньги. Однако даже «усовершенствовав» свое тело с помощью обезболивающих препаратов, ему не удавалось побороть страх. В течение первого месяца, проведенного на сезонных работах, Миша заработал сравнительно мало, а потом и вовсе перестал ездить в лес, устроившись в цех по переработки ягод, который располагался неподалеку от общежития.

Как-то раз мы стояли в курилке, когда между Мишей и его соседом Димой завязался спор о страхе перед дикими животными. Дима тогда с непониманием отнесся к боязливости своего соседа. Он регулярно приезжал на сбор ягод в течение предыдущих нескольких лет. За эти годы Дима не только познакомился с ландшафтом карельского леса, но и понимал, как в нем нужно себя вести. «Когда собираешь ягоду, ты ведь должен всегда смотреть в землю и собирать. Зверь здесь ходит, да, но ты его все равно никогда не увидишь и не услышишь. Собираешь ягоду – видишь ягоду, а слышишь только то, как граблей [средство для сбора ягод] бьешь по [ягодным] кустам», – пояснял Дима. Реплика сборщика тогда заинтересовала меня тем, что рассуждение в ней было построено не вокруг норм престижного поведения, в силу которых, предположим, сборщики (мужчины) не имели бы «права на страх» (Humphrey 2013), но должны были бы демонстрировать смелость и решимость. Скорее, Дима указывал на существование «техники тела» (Мосс 2001), которая формировала особый способ восприятия леса⁷. В контексте этой техники страх зависел от объема увиденного. Увиденное же сокращалось настолько, насколько сильно работник интенсифицировал движения собственного тела. В результате Дима наблюдал только «землю», слышал только «граблю» и не боялся. Не чувство, но его отсутствие становилось значимой производительной силой⁸.

Несколько раз мне удалось съездить в лес в составе «экипажа», в котором работал Дима. Тридцатилетний мужчина являл собой пример кон-

трактового сборщика, которого в среде сезонных рабочих принято называть опытным. В лесу Дима был одет в выцветший лонгслив, старые спортивные штаны и дырявые кроссовки. В качестве съестного он брал с собой несколько бутылок налитой из-под крана водопроводной воды и целлофановый пакет с чем-то похожим на раскрошившееся печенье. По его словам, отсутствие теплой одежды и еды позволяло ему предаваться интенсивным физическим нагрузкам («херачить») в течение всего рабочего дня и не делать при этом долгих перерывов. Тем самым одежда и количество съестного становились условием превращения тела в более быстрое и подвижное. В этой связи мне хорошо запомнилось некоторое недоумение Димы, который, допивая бутылку воды, смотрел, как я прерываюсь на обед и достаю из рюкзака рыбные консервы, паштет, сгущенку и термос с чаем.

Каждое утро по приезде в лес Дима вылезал из «буханки», быстро находил кусты с большим количеством ягод и начинал сбор, длящийся до вечера. Он делал это с помощью зигзагообразных перебежек от куста к кусту. По каждому растению наносилась серия сильных ударов граблей. Спина его почти все время была полусогнута, голова вращалась. Глаза выискивали не растения, а цвета. Как говорил сам сборщик, «сегодня работаю по-красному», подразумевая сбор брусники, или же «работаю по-черному», имея в виду сбор черники. Лес Димы был совершенно безопасным и семиотизированным посредством техник тела – рабочего инструмента, пространством, состоящим из нескольких повторяющихся цветов и звуков. Эдуардо Кон писал, что для тропических лесов Амазонии быть живым означает создавать знаки и пребывать в сети значений (Кон 2021). Иначе можно предположить, что в карельском лесу быть производительным – значит не воспринимать никаких знаков; или, еще точнее, воспринимать, но лишь те, что опосредованы опытом монотонности, создаваемым десятками повторяющихся изо дня в день движений. Сам сенсориум производительного рабочего, таким образом, формировался с помощью дисциплины тела.

Вопреки опасениям Бравермана о деградации мастерства в труде вследствие его монотонности, Дима в каком-то смысле был мастером. Парадоксальным образом мастерство в его случае достигалось не вопреки, но благодаря повторению одних и тех же действий. Он мог найти ягодные поляны за считанные минуты и с точностью до килограмма предсказать, сколько ягод ему удастся собрать за день. В отличие от большинства других сборщиков, Дима, оказавшись на вырубке, понимал, в какую сторону ему нужно идти. Он объяснял это тем, что знает, как выглядят «нужные места», поскольку видел их тысячу раз. Такое мастерство служило источником относительно стабильного заработка. Дима мог собрать четыре или пять ведер ягод за день даже при плохом

урожае или ливневых дождях, что гарантировало ежедневный доход порядка семи тысяч рублей. Как однажды сказал сам Дима, эта сумма была в несколько раз больше, чем дневной заработок в его родном городе в Свердловской области.

Разница в способах зарабатывания на жизнь, впрочем, была неоднозначной, поскольку предполагала особую форму обмена. «Там чай гоняешь на стройке за двушку, а тут за пятак душу дьяволу нужно продать», – однажды сказал Дима во время короткого перекура возле «буханки» (хотя обычно он предпочитал курить на ходу, бегая от куста к кусту с сигаретой во рту). Продажа специфического товара под названием «рабочая сила», объективированного в форме собранных ягод, оборачивалась для Димы высоким уровнем истощения, который был непохож на потребление чая на строительных работах. Однако сборщик не собирался отказываться от «сделки». Всякий раз, завершая перекур, Дима повторял: «Надо херачить». Речь здесь, конечно, шла не о выполнении некой работы. «Работать» означало для него работу кассиром в магазине «Красное&Белое», где трудилась его жена⁹. Там она зарабатывала больше, чем Дима получал на стройке, и даже предлагала мужу устроиться в алкомаркет. Однако идти на работу в магазин он не хотел и предпочитал упорствовать в лесу в течение нескольких месяцев, чтобы затем иметь возможность не искать работу вплоть до зимы.

Принципиально важно, что Дима не просто собирал ягоды, за которые получал деньги. Он превращал повторение одинаковых движений глаз, рук и ног в особую форму труда. Так, взгляд, обращенный на землю, означал не просто поиск ягод. Он помогал избегать семиотических излишков леса, будь то хруст веток или поваленные деревья, издавая напоминающие диких животных. Это делалось ради производства материальных излишков для предприятия, нанявшего Диму в качестве контрактного сборщика и платившего ему сдельную заработную плату, которую он откладывал на счет в банке. Чрезмерное использование собственного тела в качестве средства труда исключало возможность траты времени и внимания на что-то, кроме ягод. Дима использовал свое тело так, чтобы, согласно «сделке», истощить его полностью¹⁰. Мне так и не удалось хорошо познакомиться с Димой, поскольку любой разговор с ним был довольно коротким. Обычно мы начинали беседу на разные темы в конце рабочего дня, устроившись на задних сиденьях «буханки». «Сколько сезонов ты еще планируешь работать в таком темпе?» – это был мой второй личный вопрос к нему за тот месяц, что мы были знакомы (на два вопроса больше, чем он когда-либо задавал мне). «Насколько хватит здоровья», – лаконично отвечал Дима. Через некоторое время я обнаруживал, что он начинал засыпать. К тому моменту, как последнее за день ведро было собрано, силы покидали его.

Подобные принципы организации рабочей повседневности распространялись не только на сбор ягод. Если Миша вечером в курилке за банкой пива мог долго рассказывать случайным собеседникам про то, как принял вывернутые корни дерева за медведя, то Дима не был столь разговорчив. Напротив, его образ жизни на сезонных работах основывался на крайне аскетичном поведении. Так, варку варенья (этим занимаются немногочисленные сборщики на общей кухне) Дима называл лишними движениями, несколько комплектов одежды, которые привозили с собой некоторые рабочие, именовались лишними вещами, а контейнеры с полевым обедом закономерно классифицировались как лишняя еда. «Лишним» в этой системе признавалось все, что хоть каким-то образом могло нарушить ритмы повседневной жизни, обеспечивающие высокую производительность труда: долгие разговоры, поздний отход ко сну, большое количество личных вещей и еды. Приезжая из леса, сборщик шел в душ, съедал порцию лапши быстрого приготовления с тушенкой, несколько раз курил и отходил ко сну.

Таких работников, как Дима, менее опытные сборщики называли «работы», «машины» или даже «ягодные зомби». Подобные характеристики использовались для положительного описания тех темпов производительности, которых достигают опытные сборщики. Однако эти «комплименты» содержали в себе и скрытое указание на то, как жизнь таких работников на протяжении сезона редуцировалась до минимальных потребностей воспроизводства в виде сна и порции углеводов вечером. Это частично приближало их к состоянию робота или зомби, которые, как известно, не имеют никаких необходимых потребностей, представляя из себя, по замечанию Джона и Джин Комарофф, подобие «чистой прибавочной стоимости» (Comaroff, Comaroff 2020: 89).

Экономика пространственного опыта

В «Надзирать и наказывать» Мишель Фуко замечает, что процесс накопления капитала всегда идет рука об руку с процессом накопления людей (Фуко 1999: 322–323). В этой связи мое внимание привлекало общежитие сборщиков, расположенное в одном здании со складом, на котором хранятся ягоды. Компания накапливает не только «запасы [ягод] глубокой заморозки», но и рабочих, которые эти запасы создают. Каждую ночь по одну сторону стены пытается уснуть сотня сборщиков, по другую сторону лежит 25 000 тонн замороженных ягод. Гул холодильного оборудования, позволяющего хранить ягоды годами, чтобы продать их более выгодно, смешивается с шепотом ночных разговоров о том, где искать работу, когда закончится ягодный сезон. Склад-общежитие был полон следов одновременной коммодификации природы и человеческого труда. В местах складирования товаров – сырья и рабочей

силы – я провел в общей сложности пять месяцев. Отсюда мы каждый день выезжали в лес на «выруба». Сюда же мы возвращались из леса. Как организовано это пространство?

Несколько общежитий лагеря сборщиков расположены на территории, огороженной забором «промзоны». Двухэтажные общежития коридорного типа включают в себя два десятка комнат с одним большим окном. На этаже располагается общий душ, туалет, кухня и курилка (пустая консервная банка, стоящая возле входной двери). В комнатах установлены четыре двухъярусные металлические кровати, что позволяет расселить в одной комнате до восьми человек. Помещения оборудованы прикроватными шкафчиками, общим холодильником, где рабочие хранят продукты, и общим электрическим чайником, который кто-то включает каждое утро и тем самым будит даже тех, кто «взял выходной» и не собирается ехать в лес.

Лагерь рабочих отделен от близлежащего города расстоянием в несколько километров¹¹. В результате городское пространство с его кафе, супермаркетами и другими местами потребления оказывается доступно лишь в выходной день или вечером при условии, что сборщик потратит несколько часов на пешую прогулку до города или несколько сотен рублей на услуги такси. Большую же часть рабочего дня сборщики собирают ягоды посреди леса в десятках, а иногда и сотнях километров от лагеря.

Надо оговориться, что подобная пространственная изоляция рабочих на территории лагеря и в лесу довольно условна. Связь с домом обеспечивается телефонными звонками и денежными переводами, до города сборщик может добраться пешком или на такси, а в лесу – не выходить из автомобиля в течение всего рабочего дня. Все это, однако, не отменяет того, что изоляция формирует специфическую конфигурацию пространственного опыта, обусловленную, с одной стороны, продолжительным нахождением рабочих на вырубках, с другой стороны, постоянными перемещениями из общежития в лес и обратно.

Когда я размышляю о контрактном коммерческом собирательстве, мне на ум неизменно приходит один и тот же визуальный образ – идущие друг за другом из общежития на стоянку рабочие. Опыт монотонности включает в себя собственную многократную экспозицию, остающуюся в памяти. Примечательно, что некоторые мои товарищи по сезонному собирательству разделяют это ощущение. В 6 утра мы небольшими группами по двое-трое человек молча идем из общежития в сторону автостоянки. Там мы ждем приезда из города менеджера, который открывает ворота парковки. Далее мы загружаемся в арендуемые «буханки» и подъезжаем к офису компании, где менеджер заносит в специальный бланк номер автомобиля и фамилии тех, кто сидит внутри. Так формируется «экипаж» сборщиков. Позже «буханки» образуют очередь на заправочной станции на выезде из «промзоны».

На заправке мы, выстроившись к кассе, покупаем сигареты, воду, энергетические напитки и высококалорийные закуски. Вслед за этим автомобили едут друг за другом по трассе до тех пор, пока не начнут сворачивать на лесовозные дороги. Путь до них занимает около часа. Обычно машины направляются в одну из двух зон сплошных вырубок леса, поэтому большая часть маршрута у «экипажей» сборщиков не меняется на протяжении всего сезона.

Приехав на «выруб», сборщики рассредоточиваются по одному с интервалом от нескольких десятков до нескольких сотен метров. Работники собирают ягоды в среднем в течение восьми часов, хотя количество и качество времени, которое сборщики проводят в лесу, нигде не оговорено. Процесс сбора состоит из быстрых переходов от куста к кусту, ударов металлической граблей или пластиковым комбайном по растениям и переноса пластиковых ведер или полипропиленовых мешков, в которых хранится собранное. «Экипаж» сборщиков, состоящий из пяти человек, суммарно способен собрать полтонны дикоросов за день.

Если на вырубке много ягод, там могут располагаться сразу несколько «экипажей», т.е. порядка двух десятков человек. В таких случаях работники находятся на виду друг у друга. Во время сбора у кого-то из сборщиков может играть музыка на телефоне, и ее слышно издали. Хорошо слышны и удары по ягодным кустам, доносящиеся из разных концов вырубки. В такие моменты вырубка леса превращается в место сосредоточения рабочей силы. По этому поводу один мой напарник однажды заметил: «Иногда на вырубке можно встретить больше людей, чем в общаге. Тут вообще довольно странный лес». Другой сборщик сравнил лес с городской улицей, указав, что на последней людей может быть меньше. Он же впоследствии начал называть вырубки леса «плантарями».

Действительно, визуально, аудиально и даже соматически сборщики оказываются чрезвычайно близки друг к другу, а их труд приобретает сельскохозяйственную эстетику. Неслучайно некоторые работники говорят о том, что сезонное собирательство предполагает тесноту и скученность. Дело не ограничивается лесом. Рабочие спят на кроватях, расположенных друг напротив друга. Схожим образом они едут в машине, загруженной ведрами или мешками с ягодами, и упираются коленями друг в друга. Рабочие стоят в очереди в общий душ или же теснятся по двое у общей электрической плиты, чтобы приготовить ужин. Не менее важно и то, что в общежитии сборщики пользуются общим помещением для сушки одежды, поэтому вещи работников приобретают одинаковый запах сушащихся на батарее чулков от резиновых сапог. Наконец, рабочие переносят простудные заболевания синхронно – в течение второй недели сезона¹². Подобная «теснота», испытываемая рабочими на протяжении нескольких месяцев, нередко провоцирует оригинальные формы пространственной рефлексии.

Как-то вечером в преддверии выходного дня мы с рабочими сидели в комнате, пили пиво и обсуждали будничные дела. Когда темы для разговоров, связывающих мужчин из рабочего класса во всем мире (алкоголь, спорт и женщины), начали иссякать у всех собравшихся в комнате, сборщик по имени Андрей задал вопрос: «А где здесь лучше драть – в душе [в общежитии] или на вырубке? В душе в общаге это сделать нельзя. Все время очередь и мало теплой воды. В туалете кто-то постоянно сидит в соседней кабинке». Другой сосед ответил: «На вырубке не вариант. Там бывает много людей. Несколько раз пробовал в прошлом сезоне, уходил прямо в лес, но там нападают лосиные блохи». Тогда я хорошо запомнил этот разговор, поскольку другой работник днем ранее делился со мной схожим опытом непроизводительного расходования собственного тела: «Я как-то раз в лесу взял бумагу, сел [сходить в туалет], снял штаны, приготовился, и слышу, как ветки шумят. Кто-то идет прямо на меня. Сначала испугался, думал, что медведь. Потом смотрю – мужик шарится. То ли местный, то ли из другого экипажа. Тоже ищет ягоду. А в туалет я так не ходил. Я не могу [сходить в туалет], когда на меня смотрит какой-то хрен».

Слушая подобные рассказы, я впервые задумался о том, что «выруб» и «общага» не создавали отдельных друг от друга мест. Напротив, лес и общежитие, в которых мы проводили дни, недели и месяцы, образовывали единое пространство труда. В нем тесную комнату и общую душевую было не так-то просто отделить от «рабочего места» в лесу. В этой связи интересно, что никто из работников не называл сбор ягод работой, предпочитая говорить просто «сбор». Чем можно было это объяснить? Мой напарник по «экипажу» по имени Антон, например, полагал, что работа начинается тогда, когда попадаешь в помещение. Однажды Антон продемонстрировал собственное понимание того, что не могло являться работой.

Как-то вечером мы сидели на кроватях в комнате общежития и, как это часто бывало, жаловались друг другу на плохой урожай ягод и непогоду. В ходе беседы Антон упомянул, как минувшим днем попал под ливень на вырубке. Дождь был настолько сильный, что он не видел, где стоит «буханка», и не знал, куда идти, чтобы спрятаться. «Негде было укрыться. Я решил просто стоять и ждать, пока прекратится дождь», – рассказывал сборщик. Развивая эту же тему, Антон, недовольный шумом, доносившимся из соседней комнаты, встал с кровати, подошел к стене и постучал кулаком. Услышав стук по гипсокартону, Антон усмехнулся и сказал: «Да здесь нет стен!» В тот момент Антон стучал по поверхности, которая была скорее имитацией стены. Она пропускала звуки со всего этажа точно так же, как лес не давал возможности спрятаться от непогоды. Насмешка Антона тогда указывала на пародийный характер жилья и места труда, сила которых заключалась в том, что они не имели

стен и крыши, а значит, и четких границ. Это было пространство, в котором нельзя полноценно укрыться от дождя и других рабочих, но в нем можно зарабатывать на жизнь, превратив свое тело в рабочий инструмент.

Что кажется не менее значимым, так это то, как пространственная чувствительность во время сезонного труда не только связана с материальными свойствами «жилища» и «рабочего места», но и покоится на том, что марксист, географ Дэвид Харви предлагает называть «лишением собственности» (Harvey 2005: 159–165). Иными словами, сезонные работники не обладают средствами производства и воспроизводства. Сборщики ездят на арендуемом транспорте, за который несут ответственность. Аналогично помещения общежития, за которое ежедневно необходимо вносить арендную плату, никогда не становятся для них своими. Сезонный труд предполагает не только «рабочее место» в отсутствие крыши над головой и общежитие с тонкими стенами, но и необходимость находиться в пространствах, которые не принадлежат рабочим, но в которых сами рабочие чувствуют себя принадлежащими предприятию¹³.

Характерна шутка одного работника, который предположил, что на самом деле сборщики попадают в «рабство», работают не в лесу, а на «плантациях», и где-то недалеко от общежития посреди леса стоит обнесенный забором коттедж директора компании. Разумеется, контрактное собирательство едва ли можно рассматривать в контексте современных форм рабства (Calvão 2016). В конце концов, нахождение сборщиков в лагере и в лесу в течение сезона не предполагает «внеэкономического» принуждения и по большей части основывается на том, что Маркс когда-то назвал «молчаливым принуждением экономических отношений» (цит. по: Mau 2023: 3). Все это, впрочем, не отменяет того, что работники в каком-то смысле действительно находятся в распоряжении фирмы в течение всего сезона.

Важно, что компания не только платит работникам деньги за собранные ягоды. Наряду с этим от предприятия зависит, будет ли в душе общежития вода, а в розетках – электричество; принесут ли новые матрасы или заменят сломавшийся доводчик входной двери; приедут ли на помощь заблудившимся сборщикам и не сломается ли «буханка»; дадут ли работникам в местном пограничном управлении документ-разрешение на нахождение вблизи государственной границы с Финляндией или до каких пор будут принимать ягоды под конец сезона. Иными словами, повседневная жизнь временных рабочих начинает зависеть от деятельности компании, а существование каждого работника вплетается в более сложный процесс управления собственностью. Следовательно предприятие покупает товар под названием «сезонная рабочая сила» не просто на какое-то количество часов, а на несколько месяцев. Таким образом, сама способность к труду оказывается захвачена на время всего сезона.

Сырье доставляется и хранится на складе, а рабочая сила изолируется и размещается на «вырубках», металлических кроватях и в салонах «буханок» для ежедневных перемещений в лес с целью сбора ягод.

Этот процесс находит отклик в социальном опыте рабочих. «Мы единственные вахтовики, которые помимо того, что работают, еще и платят за то, чтобы иметь возможность здесь просто жить. Выходит, что им [компании] просто нужно заполнить общаги и буханки сборщиками?», – как-то возмущался сборщик в разговоре со мной, сетуя на ежедневные арендные платежи¹⁴. В этой связи сборщики высказывают одно важное соображение: ягоды, которые собирают работники, компании могут быть не нужны. Предполагается, что все склады якобы уже забиты на годы вперед и фирме достаточно лишь сдавать работникам в аренду жилье и транспорт, дабы окупать содержание последних¹⁵. Исходя из этого, можно сказать, что во время ягодного сезона имеют место формы труда, которые включают в себя не только непосредственный сбор ягод, но и предполагают поездку в «буханке», душ, приготовление пищи на кухне общежития и даже лежание на кровати в комнате общежития. Для того чтобы «просто жить» в пространстве контрактного собирательства, нужно работать постоянно, попеременно занимая приватизированные пространства общежития, транспорт и «рабочее место» в лесу, доступ к которому обеспечивается соблюдением «арендной дисциплины».

На этом этапе можно поинтересоваться, насколько жизнь в рабочем общежитии изолирована от трудового процесса на уровне материальных практик. Мой сосед по комнате по имени Максим – хороший пример. В какой-то момент сборщик столкнулся с незначительной, но показательной проблемой. Две недели подряд он не мог закончить просмотр фильма продолжительностью полтора часа. Голливудский блокбастер, просмотр которого растянулся на четырнадцать вечеров, постепенно становился притчей во языцех в нашей комнате. Каждый день для Максима ритуально заканчивался гневной констатацией того, что досмотреть кино вновь не получилось. Спустя еще неделю другие соседи начали с иронией спрашивать Максима, удалось ли ему продвинуться в просмотре киноленты, и если да, то на сколько минут. «Да времени тут остается только на стирку-готовку», – отвечал Максим.

Каждый вечер вместе со своим «экипажем» Максим приезжал из леса в районе 19 часов. Затем мужчина спешил в душ, поскольку полагал, что только десять-пятнадцать минут в горячей воде могут «вернуть тело» после тяжелого и продолжительного рабочего дня. Далее Максим стирал вручную носки и футболку, в которых был в лесу. После этого он готовил ужин. Половину еды Максим съедал сразу, называя этот процесс «подачей углей в топку» (превращения тела в рабочий инструмент влекло за собой использование механицистских метафор). Оставшееся он предусмотрительно оставлял на следующий день, чтобы употребить

в лесу в качестве рабочего обеда. Когда «стирка-готовка» и прием пищи завершались, подходило время сна. Несколько раз Максим пытался саботировать ранний отбой, надевая наушники и проводя время за просмотром фильма. Однако следствием этого был тяжелый подъем на следующее утро и последующий «недосып» в течение рабочего дня¹⁶. Единственный на неделе выходной Максим, как и многие другие рабочие, включая меня, тратил на продолжительный сон, более основательную стирку одежды в общей стиральной машине и поездку в город за продуктами, которых хватало на следующую рабочую шестидневку. Не сам процесс труда, но подготовка к труду упорядочивала жизнь в общежитии. Ритмичные и одинаковые движения сборщиков на вырубке сменялись такими же одинаковыми и доведенными до автоматизма движениями на общих кухнях и в комнатах. За производством следовало воспроизводство в его наиболее элементарных формах.

Со временем я стал замечать, что некоторые работники отмечают ощущение, что в действительности они все время находятся в лесу на вырубке. «Сегодня на вырубке я не понимал, уезжали ли мы вчера обратно», – сказал мне сосед по комнате. «Как будто мы отсюда не уезжали», – говорил мой напарник по «экипажу», когда мы утром приезжали на вырубку. Были ли это просто шутки? Или же это были остроумные замечания, проясняющие суть отношений сезонного найма в современном сельском хозяйстве? Что если завезенные рабочие, находясь вдали от дома (или от более или менее постоянного места жительства), всегда располагаются где-то между «рабочим местом» и лагерем, что, по мнению антрополога Питера Бенсона, бросает вызов пространственной оппозиции между домом и рабочим местом, сложившейся в буржуазных обществах XIX в. (Benson 2012: 186–191)? В своей этнографии сезонных работников-мигрантов на табачной ферме в США Бенсон настаивает на том, что материальные свойства жилья рабочих (тонкие стены сезонных жилищ, паноптизм трудового лагеря) приводят к размыванию дихотомии между местом труда и жилищем. Как было показано выше, это во многом справедливо и для рассматриваемого случая. Однако я предлагаю дополнить аргумент Бенсона, сделав акцент на монотонных перемещениях сезонных сборщиков между лесом и лагерем, а также однообразном характере рабочей повседневности в сфере сельскохозяйственного труда в целом.

В самом деле, периодическое перемещение между общежитием и вырубками в течение нескольких месяцев, по-видимому, приводит к тому, что в пространственном опыте работников остается только то место, в котором локализован их производительный труд. Вместе с тем граница этого места постепенно становится все менее понятной и плохо различимой в силу того, что общежитие, по большому счету, не выступает как

нечто противоположное лесу. Это справедливо как в плане политической экономии, поскольку доступ ко всем местам обусловлен лишением собственности, так и в отношении повседневных практик и темпоральностей, представляющих собой неравномерное сочетание монотонного труда и подготовки к нему. Подобно тому как производство товаров и воспроизводство рабочей силы являются частью одного и того же процесса капиталистического накопления (Федеричи 2023: 40–59), пространство сезонного труда не предполагает знакомых дихотомий «рабочее место» и «дом»¹⁷. Из-за этого вырубке леса и ягоды, которые собирают, чтобы заработать деньги, начинают, так сказать, выходить за пределы «естественного» физического пространства, создавая единую топографию монотонности, из которой рабочие не могут выбраться даже во сне.

От пролетаризации пространства к пролетаризации сна

Каждый вечер, закрывая глаза, сборщики сталкиваются с одной и той же проблемой. Работники видят ягоды, которые, вращаясь как в калейдоскопе, не дают им уснуть в течение некоторого времени. Я слышал об этом феномене от многих работников и сам часто сталкивался с ним. О «ягодах в глазах» говорили наряду с болями в суставах, простудами, мозолями и перекладине металлической койки, которая врезается в ребра, если пытаешься спать на боку. Я обсуждал эту проблему в основном с соседями по комнате, и самое проницательное толкование явления получил от одного из них. Мужчина полагал, что за «ягоды в глазах» несет ответственность компания, на которую мы работали. По его словам, фирма таким образом «проникает в головы» сборщиков и тем самым получает возможность указывать, какую ягоду они должны собирать. Образ фирмы, которая проникает по ночам в сознание работников, не следует воспринимать как экстравагантный каламбур. Действительно, закрывая глаза, сборщики видят перед сном (а иногда и во сне) те ягоды, которые собирают в течение рабочего дня. Что будут собирать работники – морошку, чернику, голубику или бруснику, зависит от того, что находится «в цене». Цены же на ягоды определяет компания.

Примечательно, что некоторым работникам снятся сны о вырубках, на которых растет много ягод. Во сне они собирают эти ягоды и зарабатывают деньги. На утро большинство просто рассказывают о подобных сновидениях, но есть и те, кто берет в руки телефон, открывает приложение с картами, сидит на кровати и пытается выяснить, где они были во сне. Мой сосед, сборщик-водитель, делал именно так, указывая, что «даже когда спит, занимается поиском ягодных мест». Еще одному сборщику снилось, как он едет в Карелию зимой и собирает некую «массу» из-под снега, которая оказывается в несколько раз дороже ягод. Другой мой сосед рассказывал, что всю ночь «лежал в бреду и ворочался». Ему

казалось, что он ходит по вырубке и собирает чернику. «Но это был не сон, мне это не снилось», – говорил сборщик.

Опыт рабочего места и сдельной заработной платы становится всеобщим, нарушая «естественные границы» сна и бодрствования. Во всяком случае, в этом меня убедил работник по имени Владимир. В то утро в курилке сборщик рассказал, что минувшей ночью правая рука, в которой он держит граблю в течение рабочего дня, начала двигаться сама по себе. Он проснулся от того, что колотил конечностью о стену. Владимир тогда с улыбкой сказал, что «выруб его не отпускает», ведь брусники сейчас так много и она такая дорогая, что грести нужно постоянно.

Добавим к этому, что часть ягодного сезона в Карелии приходится на период белых ночей. Естественное освещение сопровождает ранний отход ко сну и ранний подъем сборщиков. В результате в течение первых нескольких недель сезона повседневность рабочих протекает без визуальных признаков смены дня и ночи. Понятие «рабочий день» в этом контексте приобретает еще более двусмысленный характер, поскольку ни «работа», ни «день» не заканчиваются. Не в последнюю очередь этому вновь способствует материальность сезонного жилья – в частности, большие и незашторенные окна в комнатах общежития, сквозь которые постоянно светит северное солнце. Примечательно, что некоторые сборщики перед тем, как лечь спать пытаются воссоздать ритм смены дня и ночи, завешивая одеялами окна. При этом важно, что почти все сезонные рабочие не имеют опыта длительного проживания в полярных и приполярных широтах. Поэтому даже среди тех, кто приезжает на заработки несколько сезонов подряд, белые ночи воспринимаются как нечто препятствующее нормальному течению жизни и особенно сезонного труда.

Здесь уместно поставить вопрос: что в таком случае следует понимать под словом «труд»? Будет ли это производство продукта буржуазным индивидом в пределах ограниченного оплачиваемого рабочего времени, протекающего на «рабочем месте» или же речь идет о создании и поддержании производительных состояний, которые требуют превращения каждой секунды в труд вне зависимости от того, где находится субъект труда? Труд, трактуемый мной как любая «затрата энергии в отношении капитала» (Narotzky 2018: 41(13)), становится эквивалентен повседневному существованию и пространственному опыту как его неотъемлемой части. Любопытно, что само слово «труд» (или «адский труд», как говорят некоторые сборщики), рассмотренное как местный термин, подразумевало не товаризацию темпорально ограниченной производящей деятельности, но обмен определенных состояний человеческого тела на плоды растений, плодов – на деньги, а денег – на товары. Например, некоторые сборщики рассматривали пройденные расстояния в сапогах, натирающих пальцы, как отдачу за то, что «лес даст поляну»; сильную

физическую усталость, проявляющуюся в треморе ног перед сном, они понимали как расплату за то, что днем ранее ягоды собирать было легко. Подобная концепция имеет мало общего с производительным трудом в смысле классической политической экономии Просвещения и куда ближе к идее труда как обмена, структурированного особыми «сферами» (Bohannan 1955). Что в таком случае можно сказать об опыте сна? Можно ли утверждать, что в рабочем лагере сезонных сборщиков дикоросов «естественные границы» сна и бодрствования ставятся под вопрос?

Философ-феноменолог Эммануэль Левинас писал о сне как о приостановке психической и физической деятельности, которая основана на опыте пребывания в «месте» (Левинас 2000). «Спать – значит войти в контакт с защитными свойствами места», – указывает Левинас (Там же: 43). Сон, таким образом, предполагает выход из непрерывности жизни посредством пребывания в конкретном месте, противостоящем абстрактному пространству. Развивая эту мысль, философ Алексей Пензин (Penzin 2015: 93–111) полагает, что, следуя логике Левинаса, сон представляет из себя единственное средство спасения от гнетущей реальности капитализма¹⁸. Надо сказать, что рассмотрение сна как естественного рубежа на пути капиталистической экспансии характерно для многих исследований, посвященных этой проблеме (см.: Крэри 2022). Подобные построения в целом мало чем отличаются от позиции, изложенной Марксом в восьмой главе «Капитала» (Маркс 1952: 236–307). Именно там сон впервые натурализуется как естественная граница для процесса извлечения прибавочной стоимости. В этом же духе, например, антрополог Софи Чао трактует сны как форму «онто-онейрического воображения», которое позволяет некоторым коренным жителям в Западном Папуа надеяться на то, что экспансия современных капиталистических плантационных хозяйств прекратится (Чао 2022: 181–200). Чао отталкивается от точки зрения философа Джонатана Лира, согласно которой сны во времена социальной нестабильности и катастроф выступают формой «радикальной надежды» (Leag 2006). Короче говоря, греза всегда оказывается своеобразным убежищем или точкой опоры, позволяющей с большим или меньшим успехом совладать с brutальным миром эксплуатации и угнетения. Что меня смущает во всех этих построениях, так это излишний акцент на прерывании и недооценка связи сна и места, о которой рассуждал Левинас.

В этой статье я, напротив, попытался описать и проанализировать аппарат монотонности сезонного труда, который оспаривает гегемонию некоторых идеологических конструкций, таких как оппозиции труда и отдыха, дома и работы, частного и публичного, пространства и места. «Ложась спать, мы доверяемся месту – оно становится нашим убежищем», – писал Левинас (Левинас 2000: 43). Можно ли «довериться» арен-

дуемой комнате рабочего общежития, где стены представляют лишь собственную пародию на самих себя, а из окна круглосуточно светит солнце? Как «доверять местам», где возможность непроизводительных трат, нетоварного расходования собственного тела может быть ограничена концентрацией людей и частотой взаимопересекающихся взглядов? Наконец, сможет ли стать убежищем вырубленный лес, куда сборщики не могут добраться, не вступив в арендные отношения? В непрерывном пространстве контрактного собирательства идея и материальность «места-убежища» из феноменологии Левинаса оказывается поставлена под вопрос, хоть ее и пытаются с переменным успехом воплотить в жизнь некоторые сборщики, «простукивая» стены общежития, пытаюсь посмотреть голливудский фильм в наушниках перед сном или завешивая окно комнаты одеялом. Вместе с тем под сомнение попадает и предложенная философом трактовка сна, который можно было бы понимать как линию ускользания от господства капитала. В этом отношении важно, что сезонные рабочие не перестают собирать ягоды и искать ягодные места круглосуточно. «Выруб не отпускает», поиск ягод продолжается во сне, а компания «проникает в голову», чтобы указывать, какое сырье собирать для пополнения ее складов.

Примечания

¹ В центре моего исследования оказались мужчины в возрасте от двадцати до сорока лет. Они же и составляют большую часть сезонной рабочей силы. Я глубоко признателен тем людям, с которыми мне удалось познакомиться и совместно жить и работать.

² Эмпирической основой текста служат материалы, собранные в ходе полевых исследований в Карелии в «ягодные сезоны» в 2021, 2023 и 2024 гг. Особенность полевой работы заключалась в том, что в течение всего времени проведения работы я жил в лагере коммерческих сборщиков и собирал ягоды за деньги.

³ Название изменено.

⁴ Подобные трудовые отношения иногда приводят к тому, что коммерческое собирательство может трактоваться самими рабочими как форма бизнеса, а сдельная заработная плата – как прибыль. Наемному труду, замаскированному под предпринимательскую «свободу», посвящены некоторые исследования (Tsing 2009; Harriss-White 2014).

⁵ Имена информантов изменены.

⁶ Будучи опытным разнорабочим, Миша предпочитал сигареты «LD 100», которые, по его словам, за счет своей длины увеличивают продолжительность перекура.

⁷ В этом аспекте примечательна следующая мысль Марселя Мосса: «Я совершенно убежден, что техники тела существуют в глубине всех наших мистических состояний <...> думаю, что непременно существуют биологические средства вхождения в “коммуникацию с Богом”» (Мосс 2001: 324). Я также полагаю, что такие «состояния», как страх, обладают собственной телесностью или, говоря точнее, экономикой телесного поведения, в которой соотношение производительных и непроизводительных действий структурирует чувства.

⁸ Представленное здесь рассуждение близко к аргументу Сильвии Янагисако, которая предложила расширенную трактовку марксистского понятия «производительные силы». Согласно антропологу, «аффективные идеи и идеи с аффектом», будучи производительными силами, формируют и ограничивают капиталистическое производство (Yanagisako 2002).

⁹ В разных социальных и культурных контекстах производительная деятельности классифицируется по-разному, а значит, и понятие «работа» приобретает разный смысл (Parkin 1979).

¹⁰ О связи пролетаризации и «дьявольских сделок» существует большое количество литературы (см., например, самые известные работы: Nash 1979; Taussig 1980; Gordillo 2004).

¹¹ Это соответствует глобальному тренду размещения сельскохозяйственных рабочих в «созвездиях жилищ, расположенных на удалении от городских центров» (Peano 2024: 260), что, во-первых, обеспечивает условия проживания с минимально субсидируемым воспроизводством, во-вторых, облегчает логистику транспортировки рабочей силы до рабочих мест.

¹² В этой связи метафора «коллективное тело», используемая сперва Марксом в анализе принципов разделения капиталистического труда (Маркс 1952: 354), а затем и Фуко (Фуко 1999: 237–247) в его исследовании «политической анатомии» современной власти, может быть понята буквально.

¹³ Пожалуй, единственным исключением мог бы быть лес, в котором более опытные сборщики чувствуют себя уверенно и даже иногда могут называть его «своим местом». Не в последнюю очередь этому способствуют знания о «ягодных местах» и закономерностях произрастания дикорастущих ягод. Однако доступ к лесу возможен лишь посредством поездок туда на «буханке», т.е. предполагает необходимость вступить в арендные отношения с фирмой на правах арендатора с сопутствующей ответственностью за состояние транспорта. Поэтому главным желанием любого опытного сборщика станвится приезд «на ягуду» на собственной машине. Свое транспортное средство, как показывают некоторые случаи, довольно скоро выходит из строя из-за плохого качества дорог, а сборщик пересаживается в «буханку» и зарабатывает на починку своей машины. По большому счету, единственный способ превратить ягоды и знания о них в средства к существованию – это использовать (брать в аренду) «буханки», которыми владеет фирма.

¹⁴ С формальной точки зрения сезонные сборщики не являются ни вахтовиками, ни сезонными рабочими, поскольку трудовые отношения между сборщиками и предприятием не закреплены трудовым договором, а найм рабочей силы осуществляется неформально.

¹⁵ Насколько подобные формулировки соответствуют объективным экономическим годам, остается только догадываться. В данном случае меня интересует точка зрения рабочих, которая выступает оригинальной формой социальной критики. Исследования схожих систем арендных отношений демонстрируют, что сдача общежитий в аренду позволяет покрывать некоторые издержки на их содержание (см.: Higgins 2005).

¹⁶ Стоит ли говорить о том, что употребление алкоголя в таких условиях ограничивалось одной-двумя банками пива раз в неделю, что контрастирует с бытующим среди некоторых местных жителей мифом о «пьющих работягах из общежитий».

¹⁷ Это также связано с гендерным устройством экономики сезонного собирательства, в которой воспроизводящий труд женщин либо остается дома в пределах пространственно локализованной семьи, либо, как в случае одиноких мужчин, отсутствует вовсе. В конце концов, большая часть дихотомий (производство и воспроизводство, мужчина и женщина, работа и досуг, публичное и приватное), связанных с эпохой индустриального капитализма и государственного социализма, покоится на строгом гендерном разделении труда (Weeks 2011).

¹⁸ По остроумному замечанию Пензина, сон в подобных рассуждениях действует как богословская концепция катехона, который является последним препятствием на пути антихриста.

Список источников

- Колерова В. Страна Дикоросия // Бизнес-журнал. 2016. № 3 (239). С. 26–31.
Кон Э. Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека. М.: Ad Marginem, 2021.
Крэри Д. 24/7. Поздний капитализм и цели сна. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022.

- Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. М.; СПб.: Университетская книга, 2000.
- Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. М.: Госполитиздат, 1952.
- Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: КДУ, 2011. 416 с.
- Пинчук О.В. Мастерство в труде: «ориентация на задачи» и «совладание» с изношенным оборудованием на Подмосковной конфетной фабрике «Iriski» // Антропологический форум. 2022. № 54. С. 68–92.
- Федеричи С. Патриархат заработной платы: Заметки о Марксе, гендере и феминизме. М.: Новое литературное обозрение, 2023.
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
- Benson P. Tobacco Capitalism: Growers, Migrant Workers, and the Changing Face of a Global Industry. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2012. 336 p.
- Blanchette A. Making Monotony: Bedsores and Other Signs of an Overworked Hog // How Nature Works: Rethinking Labor on a Troubled Planet / ed. by S. Besky, A. Blanchette. Santa Fe: University of New Mexico Press, 2019. P. 59–76.
- Blanchette A. Porkopolis: American Animality, Standardized Life, and the Factory Farm. Durham: Duke University Press, 2020.
- Bohannan P. Some Principles of Exchange and Investment among the Tiv // American Anthropologist. 1955. V. 57, № 1. P. 60–70.
- Bourdieu P. Outline of a Theory of Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
- Braverman H. Labor and Monopoly Capital. New York: New York University Press, 1974.
- Calvão F. Unfree Labor // Annual Review of Anthropology. 2016. Vol. 45, № 1. P. 451–467.
- Chao S. In the Shadow of the Palms: More-Than-Human Becomings in West Papua. Durham, NC: Duke University Press, 2022.
- Comaroff J., Comaroff J. After Labor // Critical Historical Studies. 2020. Vol. 7, № 1. P. 87–112.
- Gordillo G. Landscapes of Devils: Tensions of Place and Memory in the Argentinean Chaco. Durham, NC: Duke University Press, 2004.
- Harriss-White B. Labour and Petty Production // Development and Change. 2014. Vol. 45, № 5. P. 981–1000.
- Harvey D. A Brief History of Neoliberalism. New York: Oxford University Press, 2005.
- Holmes S. Fresh Fruit, Broken Bodies: Migrant Farmworkers in the United States. Berkeley: University of California Press, 2013.
- Higgins R. Bodies for Rent: Labor and Marginality in Southern Louisiana // Anthropology of Work Review. 2005. Vol. 26, № 3. P. 12–22.
- Humphrey C. Fear as a Property and an Entitlement // Social Anthropology / Anthropologie Sociale. 2013. Vol. 21, № 3. P. 285–304.
- Lear J. Radical Hope: Ethics in the Face of Cultural Devastation. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006.
- Li T.M., Semedi P. Plantation Life: Corporate Occupation in Indonesia's Oil Palm Zone. Durham, NC: Duke University Press, 2021.
- Macherey P. The Productive Subject // Viewpoint Magazine. 2015. Vol. 5, № 5. URL: <https://viewpointmag.com/2015/10/31/the-productive-subject/>
- Mau S. Mute Compulsion: a Marxist Theory of the Economic Power of Capital. London; Brooklyn, NY: Verso, 2023.
- Narotzky S. Rethinking the Concept of Labour // Journal of the Royal Anthropological Institute. 2018. Vol. 24, № 1. P. 29–43 (1–15).
- Nash J. We Eat the Mines and the Mines Eat Us: Dependency and Exploitation in Bolivian Tin Mines. New York: Columbia University Press, 1979.
- Parkin D. The Categorization of Work: Cases from Coastal Kenya // Social Anthropology of Work / ed. by S. Wallman. London: Academic Press, 1979. P. 317–336

- Peano I. The Camp, the Zone, and Sovereign Sediments: Querying Paradigms Through the Politics of Made-in-Italy Agribusiness Operations // *Anthropological Theory*. 2024. Vol. 24, № 3. P. 258–281.
- Penzin A. No More Sleep No More // *No More Sleep No More* / ed. by D. Correale. Berlin: Archive Books, 2015. P. 93–111.
- Taussig M. The Devil and Commodity Fetishism in South America. Chapel Hill, NC: The University of North Carolina Press, 1980.
- Thomas R. Citizenship, Gender, and Work: Social Organization of Industrial Agriculture. Berkeley: University of California Press, 1985.
- Tsing A. On Nonscalability: The Living World is Not Amenable to Precision-Nested Scales // *Common Knowledge*. 2012. Vol. 18, № 3. P. 505–524.
- Tsing A. Supply Chains and the Human Condition // *Rethinking Marxism: A Journal of Economics, Culture & Society* 2009. Vol. 21, № 2. P. 148–176.
- Salzinger L. Genders in Production: Making Workers in Mexico's Global Factories. Berkeley: University of California Press, 2003.
- Sanchez A. Transformation and the Satisfaction of Work // *Social Analysis*. 2020. Vol. 64, № 3. P. 68–94.
- Striffler S. Chicken: The Dangerous Transformation of America's Favorite Food. New Haven, CT: Yale University Press, 2005.
- Weeks K. The Problem with Work: Feminism, Marxism, Antiwork Politics, and Postwork Imaginaries. Durham, NC: Duke University Press, 2011.
- Yanagisako S. Producing Culture and Capital: Family Firms in Italy. Princeton: Princeton University Press, 2002.

References

- Benson P. (2012) Tobacco Capitalism: Growers, Migrant Workers, and the Changing Face of a Global Industry. Princeton, NJ: Princeton University Press, 336 p.
- Blanchette A. (2019) Making Monotony: Bedsores and Other Signs of an Overworked Hog. In *How Nature Works: Rethinking Labor on a Troubled Planet* / Ed. S. Besky, A. Blanchette. Santa Fe: University of New Mexico Press, pp. 59–76.
- Blanchette A. (2020) *Porkopolis: American Animality, Standardized Life, and the Factory Farm*. Durham: Duke University Press.
- Bohannan P. (1955) Some Principles of Exchange and Investment among the Tiv, *American Anthropologist*, Vol. 57, No. 1, pp. 60–70.
- Bourdieu P. (1977) *Outline of a Theory of Practice*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Braverman H. (1974) *Labor and Monopoly Capital*. New York: New York University Press.
- Calvão F. (2016) Unfree Labor, *Annual Review of Anthropology*, Vol. 45, No. 1, pp. 451–467.
- Chao S. (2022) *In the Shadow of the Palms: More-Than-Human Becomings in West Papua*. Durham, NC: Duke University Press.
- Comaroff J., Comaroff J. (2020) After Labor, *Critical Historical Studies*, Vol. 7, No. 1, pp. 87–112.
- Crary J. (2014) *24/7: Late Capitalism and the Ends of Sleep*. Brooklyn, NY: Verso.
- Federici S. (2021) *Patriarchy of the Wage: Notes on Marx, Gender, and Feminism*. New York: PM Press/Spectre.
- Foucault M. (1975) *Surveiller et punir: Naissance de la prison*. Paris: Gallimard.
- Gordillo G. (2004) *Landscapes of Devils: Tensions of Place and Memory in the Argentinean Chaco*. Durham, NC: Duke University Press.
- Harriss-White B. (2014) Labour and Petty Production, *Development and Change*, Vol. 45, No. 5, pp. 981–1000.
- Harvey D. (2005) *A Brief History of Neoliberalism*. New York: Oxford University Press.
- Holmes S. (2013) *Fresh Fruit, Broken Bodies: Migrant Farmworkers in the United States*. Berkeley: University of California Press.

- Higgins R. (2005) Bodies for Rent: Labor and Marginality in Southern Louisiana, *Anthropology of Work Review*, Vol. 26, No. 3, pp. 12–22.
- Humphrey C. (2013) Fear as a Property and an Entitlement, *Social Anthropology / Anthropologie Sociale*, Vol. 21, No. 3, pp. 285–304.
- Kohn E. (2013) *How Forests Think: Toward an Anthropology Beyond the Human*. Berkeley: University of California Press.
- Kolerova V. (2016) Strana Dikorosia [The Dikorosia State], *Bisnes-zhurnal* [The Business Journal], No. 3 (239), pp. 26–31. (In Russian)
- Lear J. (2006) *Radical Hope: Ethics in the Face of Cultural Devastation*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Lévinas E. (1947) *De l'existence à l'existant*. Paris: Fontaine.
- Li T.M, Semedi P. (2021) *Plantation Life: Corporate Occupation in Indonesia's Oil Palm Zone*. Durham, NC: Duke University Press.
- Macherey P. (2015) The Productive Subject, *Viewpoint Magazine*, vol. 5, no. 5. URL: <https://viewpointmag.com/2015/10/31/the-productive-subject/>
- Marx K. (1867–1894) *Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie*. Hamburg: Verlag von Otto Meisner.
- Mau S. (2023) *Mute Compulsion: a Marxist Theory of the Economic Power of Capital*. London; Brooklyn, NY: Verso.
- Mauss M. (1936) Les Techniques du corps, *Journal de Psychologie*, Vol. XXXII, No. 3–4, pp. 15–45.
- Narotzky S. (2018) Rethinking the Concept of Labour, *Journal of the Royal Anthropological Institute*, Vol. 24, No. 1, pp. 29–43 (1–15).
- Nash J. (1979) *We Eat the Mines and the Mines Eat Us: Dependency and Exploitation in Bolivian Tin Mines*. New York: Columbia University Press.
- Parkin D. (1979) The Categorization of Work: Cases from Coastal Kenya. In: *Social Anthropology of Work* / Ed. S. Wallman. London: Academic Press, pp. 317–336.
- Peano I. (2024) The Camp, the Zone, and Sovereign Sediments: Querying Paradigms Through the Politics of Made-in-Italy Agribusiness Operations, *Anthropological Theory*, Vol. 24, No. 3, pp. 258–281.
- Penzin A. (2015) No More Sleep No More. In: *No More Sleep No More* / Ed. D. Correale. Berlin: Archive Books, pp. 93–111.
- Pinchuk O. (2022) Masterstvo v trude: “orientatsiya na zadachi” i “sovladanie” s iznoshennym oborudovaniem na Podmoskovnoy konfetnoy fabrike “Iriski” [Workmanship: “Task Orientation” And “Coping” With Worn-Out Equipment At The “Iriski” Candy Factory], *Antropologicheskij forum*, 2022, No. 54, pp. 68–92.
- Taussig M. (1980) *The Devil and Commodity Fetishism in South America*. Chapel Hill, NC: The University of North Carolina Press.
- Thomas R. (1985) *Citizenship, Gender, and Work: Social Organization of Industrial Agriculture*. Berkeley: University of California Press.
- Tsing A. (2012) On Nonscalability: The Living World is Not Amenable to Precision-Nested Scales, *Common Knowledge*, Vol. 18, No. 3, pp. 505–524.
- Tsing A. (2009) Supply Chains and the Human Condition, *Rethinking Marxism: A Journal of Economics, Culture & Society*, Vol. 21, No. 2, pp. 148–176.
- Salzinger L. (2003) *Genders in Production: Making Workers in Mexico's Global Factories*. Berkeley: University of California Press.
- Sanchez A. (2020) Transformation and the Satisfaction of Work, *Social Analysis*, Vol. 64, No. 3, pp. 68–94.
- Striffler S. (2005) *Chicken: The Dangerous Transformation of America's Favorite Food*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Weeks K. (2011) *The Problem with Work: Feminism, Marxism, Antiwork Politics, and Postwork Imaginaries*. Durham, NC: Duke University Press.

Yanagisako S. (2002) *Producing Culture and Capital: Family Firms in Italy*. Princeton: Princeton University Press.

Сведения об авторе:

ПЕТРЯКОВ Степан Игоревич – аспирант, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия). ORCID 0009-0000-1976-9803. E-mail: spetryakov@eu.spb.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Stepan I. Petryakov, European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russian Federation). ORCID 0009-0000-1976-9803. E-mail: spetryakov@eu.spb.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 18 февраля 2025;
принята к публикации 11 мая 2025.*

*The article was submitted 18.02.2025;
accepted for publication 11.05.2025.*